

кации. Также трансформация международной коммуникации под влиянием интернет-технологий требует разработки правового механизма взаимодействия между государствами и мировыми сообществами, что будет способствовать развитию конструктивного диалога между ними.

Источники и литература:

1. Америка і Європа у сучасних міжнародних трансформаціях : монографія / Шергін С. О. та інші. – К. : Центр вільної преси, 2014. – 472 с.
2. США і світ ХХІ століття : монографія / Ю. М. Пахомов, І. М. Коваль, С. О. Шергін та інші. – К. : Центр вільної преси, 2013. – 620 с.
3. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011 – 2016 – Digital Diplomacy [Electronic resource] // Bureau of Information Resource Management. – 2014. – September. – Mode of access: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm>. – Date of access: 15.01.2015.
4. President Obama's State of the Union Address – Remarks As Prepared for Delivery [Electronic resource] // The White House. The official Medium channel of the White House. – 2015. – January 21. – Mode of access: <https://medium.com/@WhiteHouse/president-obamas-state-of-the-union-address-remarks-as-prepared-for-delivery-55f9825449b2>. – Date of access: 15.01.2015.
5. Hilburn, M. White House Pre-Speech Release Creates Social Media Storm [Electronic resource] / M. Hilburn // VOAnews.com. – 2015. – January 21. – Mode of access: <http://www.voanews.com/content/white-house-pre-speech-release-creates-social-media-storm/2607914.html>. – Date of access: 15.01.2015.
6. Техау, Я. Четыре причины внешнеполитической «спячки» ЕС [Электронный ресурс] / Я. Техау // Carnegie Europe. Strategic Europe. – 2014. – 28 октября. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2014/10/28/четыре-причины-внешнеполитической-спячки-ес/hsyt>. – Дата доступа: 15.01.2015.
7. Мир в 2015 году [Электронный ресурс] / Т. Карозерс, М. Муашер, Л. Хатиб, Дж. М. Эктон, Я. Техау, Ю. Румер, Д. Х. Паал, П. Хэнли, У. Дадущ, М. Наим // Carnegie Europe. – 2014. – 10 декабря. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2014/12/10/мир-в-2015-году/hwq6>. – Дата доступа: 15.01.2015.

РАЗВИТИЕ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

И.И. Погорская (Киев)

В начале ХХІ века мир претерпел кардинальные изменения, появились новые угрозы и вызовы, усложнились международные проблемы. Поэтому внешняя политика современных государств, несмотря на усиление ее силовой доминанты, существенным образом должна быть нацелена на создание более стабильной международной среды, поиску эффективного баланса между национальными и коллективными интересами актеров, что является предметом серьезных научных дискуссий.

Исследователями весьма часто утверждается, что именно пространство европейской безопасности продолжает процесс переформатирования

путем постоянной борьбы между различными субъектами в их стремлении быть воспринятыми легитимными агентами в процессе формирования нового социального порядка. В данном контексте ЕС трактуется как центральный актор безопасности в регионе и предлагается восприниматься как агент-инвестор в сохранении существующей иерархии власти в этом социальном пространстве.

Главным образом теоретические исследования развития сферы безопасности единой Европы развивались по двум основным направлениям. Первое направление сосредоточено на нормативном измерении и основано на правилах подхода к европейской интеграции, что коррелирует с концепцией «создание сообщества безопасности среди бывших врагов» и достижениями конструктивистской теории. Утверждается, что сообщество безопасности может существовать на международном уровне, а его субъекты могут разделять ценности и нормы, обеспечивающие социальную идентичность, а также участвовать в различных сферах взаимодействия, которые отражают долгосрочный интерес и имеют диффузную взаимность. Сторонники конструктивизма настаивают, что политика безопасности формируется именно такими сообществами и государства, живущие в рамках международного сообщества безопасности, приобретают в своем характере черты умиротворения, у них есть чувство общности, которое, в свою очередь, создает определенную страховку того, что они будут урегулировать свои разногласия без войны, формируя не просто устойчивый порядок, но и стабильный мир [1]. Второе направление сконцентрировано на технологиях безопасности, где безопасность ЕС должна усиливаться за счет развития своих военных инструментов [2]. Оба подхода поднимают важные вопросы, касающиеся природы и возможности действия ЕС по формированию пространства общей безопасности, а также общего учредительного характера общественного порядка как поддержки таких договоренностей.

Современная теоретическая мысль ведет дискурс как в традиционных рамках аналитической и нормативной парадигм, так и пытается их преодолеть. В частности, представители Копенгагенской школы продолжают утверждать, что безопасность не может избежать своих традиционных коннотаций из-за того, как она используется в практической сфере: в историческом плане, это национальная безопасность [3]. Они рассматривают сферу безопасности, как отличную от «нормальной» политики и на основе этих предположений констатируют, что безопасность в большинстве случаев следует рассматривать как негативную, как неспособность справиться с проблемами в рамках обычной политики. Валлийский школа настойчиво определяет безопасность как своеобразный шаг освобождения, подчеркивая ее положительное значение и большой потенциал [3].

Стоит отметить, что соединив безопасность и сообщества, государства являются ревизионистами во взглядах на обычные значения безопасности и власти, где понятие власти включает способность сообщества к защите своих

ценностей, ожиданий в отношении поведения против внешней угрозы и к привлечению новых государств к идеям, которые придают смысл национальной безопасности в соединении с фактором материальном прогресса. Таким образом, значение силы начинает смещаться и «в настоящее время государства идентифицируют «новые» вопросы безопасности, которые вращаются вокруг проблем экономики, окружающей среды, а также социального обеспечения» [4, р. 41]. Такое видение является определенным вызовом для гегемонии реалистов, так как вдохновляет политиков на альтернативное понимание того, что возможно в современной глобальной политике.

Теория развития сообществ безопасности обращает существенное внимание на проблематику идентичности, социальные устои взаимодействия акторов. Данная перспектива представляет мнение о том, что национальные и государственные идентичности формируются в отношениях с другими народами и государствами. Чем ближе сообщества безопасности, тем короче коллективное когнитивное расстояние между его членами, и тем более они приобретают свойство корпоративной идентичности [4, р. 44]. При этом утверждается, что доминирующие в социуме нарративы могут быть идентифицированы по конкретным аспектам безопасности, но, в конечном счете, переменная реальность под влиянием ускорения политического времени сделала природу этого пространства еще более трансформационной [5].

Таким образом, стремясь раскрыть возможности, заложенные в обеспечении «политического» в концептуальной разработке европейской безопасности, специалисты стремятся понять возможности реорганизации существующего порядка безопасности, агентов, которые активно стремятся его формировать и формы власти, они осуществляют в данном процессе. В данном контексте Европейский Союз объединяет нормативные, мягкие подходы, основанные на дисциплинировании социальной, политической и экономической сфер жизни на континенте, а также все более широкое использование военных сил для гуманитарных целей, дает несколько форм «инвест-капитала» для самого ЕС как действующего актера мировой политики. Этот процесс также имеет основополагающее значение для социальной идентичности ЕС в качестве соответствующего агента в процессе переосмыслении европейской безопасности и предоставляет возможность оправдать свое существование.

В свою очередь проблема значительной политизации проблематики построения программ партнерства ЕС с точки зрения безопасности подтверждает аргументацию о том, что современное европейское сообщество «не-войны» было создано именно из-за десекуритизации [5]. В частности А. Уивер утверждает, что Европа прошла через период от опасности к безопасности через процесс десекуритизации, а затем, в девяностые годы, ситуацию ресекьюритизации сообщества безопасности [5]. Исследователь также полагает, что поскольку и другие вопросы стали рассматри-

ваться как вопрос безопасности (экономической, экологической и т.д.), это может поднять напряжение, но не приведет к войне [6].

В рассматриваемом измерении аналитической мысли существенным влиянием пользуется направление постструктуралистских конструктов, где в наибольшей степени разделяется значение понятий «политика» и «политическое». Например, Дж. Эдкинс констатируя отличие их смыслов, рассматривает обе концепции в свете дихотомии понятий «политики и бюрократии» и «политического и субъективности». Исследовательница трактует политику как ежедневное управление путем принятия решений чиновниками, разработке и внедрению технологий власти и управления. Политика также отвечает за легитимацию существующего порядка, но не ставит под сомнение его происхождения. Однако для того, чтобы понять построение различных субъективностей нужно смотреть на момент политического [7, р. 7–19]. Это тот момент, когда общественный запрос меняется, и политика перестает существовать так, как установлено ранее, продолжает происходить процесс взаимодействия, и власть признается законной в результате ее способности обеспечить создание новых структур политики, нормализации жизни согласно новым договоренностям идентичности, которые ценятся политическим сообществом. С этих позиций европейская интеграция, а также движение в сторону более широкого понимания безопасности, обозначили принятие новых форм социального капитала, и в этом процессе, новые актеры были допущены к сфере безопасности, пытаюсь установить новые правила и иерархии власти.

Отношения безопасности также следует рассматривать в контекстах асимметрии власти и иерархии в системе международных отношений, справедливо считая, что асимметрии власти позволяют агентам воспроизводить и изобретать свой капитал, часто не во имя человеческой свободы и справедливости (космополитический взгляд на безопасность), но, как автоматизированный процесс самосохранения (коммунитарный взгляд на безопасность). И здесь, как справедливо утверждает М. Диллон, «новые агенты, которые стремятся выйти на поле, ограничены в соответствии с существующими видами порядка и безопасности, особенно если формы капитала, что они могут мобилизовать отклонены или оспорены более мощными агентами» [8]. В центре внимания стоит фактор конкуренции и борьбы за центральную роль в определении «законной логики безопасности в Европе», а теория практик расширяет фокус анализа для решения основных задач этой борьбы, и средства, с помощью которых они поддерживаются. Дивиденд мира создал ожидание того, что социальный прогресс, расширение прав и возможностей граждан, а также отношения сотрудничества станут особенностью структурирования международной системы, а более конкретно, форматирование его в европоцентричном контексте, где ЕС воспринимается как важный актер для обеспечения безопасности, коренится в социальной стабильности, экономического процветания и продвижения норм и ценностей. Однако, по справедливой

оценке К. Фирке продвигая модель безопасности, которая ценит идеальный тип демократии и экономического прогресса, ЕС не признает, что не существует идеального типа демократии и экономического развития, множества опыта мирного политического управления и политического и что любой проект должен быть исторически интерполированным [9, p. 157–158]. Кроме того, текущий международный контекст является одним из конкурентных, где ЕС сталкивается с иным видением проблем безопасности своих соседей, значительно в большей степени основанным на традиции, в том числе важности суверенитета и где национальное утверждение принимается как средство защиты. Критика технократического характера ЕС как системы управления становится серьезной проблемой во многих предметных областях, а политическая борьба за влияние в определении европейской безопасности происходит за счет антагонистических процессов и восстановления роли силового фактора в качестве ключевого инструмента обеспечения безопасности.

Стоит отметить, что программа современных исследований основана на прагматическом видении. Практикоцентричный анализ акцентирует на том, что проблематику безопасности можно понять только путем изучения того, как она работает. Современные теоретики, как в частности Дж. Найман утверждают, что ценность безопасности зависит от того, как она используется, и как она проявляется в различных эмпирических контекстах, избегая при этом навязывания абстрактного теоретического определения «хороший» и «плохой» [10]. Таким образом, можно констатировать, что в основе современных подходов лежит стремление понять сущность и характер процессов, которые формируют международный порядок и способствуют реструктуризации системы безопасности в Европе с комплексным учетом взаимовлияния различных форм безопасности.

Источники и литература:

1. Adler, E. Security Communities in Theoretical Perspective / E. Adler // Security Communities / E. Adler, M. Barnett (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press. – P. 1–3.
2. Kaldor, M. Human Security: A New Strategic Narrative for Europe / M. Kaldor, M. Martin, S. Selchow // International Affairs. – 2007. – № 83(2). – P. 273–288.
3. Floyd, R. Towards a Consequentialist Evaluation of Security: Bringing Together the Copenhagen and the Welsh Schools of Security Studies / R. Floyd // Review of International Studies. – 2007. – Vol. 33, № 2. – P. 327–350.
4. Berling V. Practical Reflexivity and Political Science: Strategies for Relating Scholarship and Political Practice / V. Berling, Ch. Bueger // Political Science & Politics. – 2013. – № 46(1). – P. 115–119.
5. Weaver, O. Insecurity, Security, and Asecurity in the West European Non-War Community / O. Weaver // Security Communities / E. Adler and M. Barnett (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – P. 69–118.
6. Weaver, O. Politics, Security, Theory / O. Weaver // Security Dialogue. – 2011. – Vol. 42, № 4–5. – P. 465–480.
7. Edkins, J. Poststructuralism & International Relations: Bringing the Political Back in / J. Edkins. – Boulder (Co.) : Lynne Rienner Publ., 1999. – 164 p.

8. Dillon, M. Governing Terror: The State of Emergency of Biopolitical Emergence / M. Dillon // International Political Sociology. – 2007. – № 1(1). – P. 7–28.
9. Fierke, K. Critical Approaches to International Security / K. Fierke. – Cambridge : Polity, 2007. – 288 p.
10. Nyman, J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate / J. Nyman // Review of International Studies. –2016. – December. – Vol. 42, № 5. – P. 821–839.

ФЕНОМЕН ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.Г. Соловей, Л.С. Вечер (Минск)

Важной особенностью политического развития современной Европы является рост евроскептицизма как следствие критического отношения к европейской интеграции, Европейскому Союзу и его институтам. Евроскептицизм, как понятие, появился в Великобритании среди противников членства страны в ЕС. Широкую известность этот термин приобрел после знаменитой речи М. Тэтчер в Брюгге 20 сентября 1988 г., посвященной месту Великобритании в Европе. Распространение евроскептицизма во многом связано с провалом проекта общеевропейской Конституции, обострением мирового экономического кризиса, нарастанием миграционных проблем, решением Великобритании о выходе из Евросоюза (Brexit-2016 г.) и др.

Евроскептицизм представляет собой весьма многоплановое явление и существует в разных формах – от умеренной критики отдельных аспектов деятельности Евросоюза до полного неприятия идей и целей европейской интеграции и требования выхода своих стран из ЕС. Евроскептические настроения находят свое выражение как в общественном сознании европейцев, так и особенно в партийно-политической сфере. Размежевание партий по вопросам европейской интеграции в значительной степени определяет расстановку политических сил и тенденции развития партийно-политического пространства Европы. Результаты последних выборов в Европарламент и национальные парламенты ряда стран свидетельствуют о смещении партийных позиций от проевропейских в сторону евроскептицизма. Резко увеличилось количество евроскептических партий, расширилась их электоральная база, возросло влияние на политические процесс. При этом разные политические силы могут вкладывать различный смысл в это понятие и быть евроскептиками, оставаясь при этом принципиальными идеологическими противниками [2, с. 27].

Представители наднациональных Европейской народной партии, Партии европейских социалистов, Альянса либералов и демократов за Европу являются в основном сторонниками еврооптимизма, отстаивают приоритет европейской политики по отношению к национальной. Однако и